

Через межу — эпизод 5 из 5

Дорогой он оживленно стал рассказывать.

— Утром принимал смену. Обошли участок, зашли в избушку, покурили, и другой бакенщик-старик уплыл на своей лодке. Как раз в это время буксир тянул плот, а навстречу шел дачный пароход. При таких встречах чаще всего плотами бакены режет, поэтому пришлось простоять на берегу, пока не разминутся. Обошлось благополучно, но волна показала, что дальний кол заездки еле держится. Занялся этим. Потом пришел к будке, развел костер, сходил на ключ, зачерпнул воды, поставил чайник. Хватился покурить, — нет бумаги. Обыскал себя, в будке все углы обшарил — нигде. А бумага была — четыре листа, запас на неделю. Со стариком из нее завертывали. Решил, что дедко по ошибке положил себе в карман. Делать нечего, придумал трубку сделать. Без привычки долго провозился, а ты пришла — нашлась моя потеря.

— Где?

— А как стал из чайника воду выливать, гляжу — охлопья какие-то. Это и есть моя бумага. Как она в чайник попала — не пойму. Старик, видно, сунул в пустой чайник. У него есть такая привычка в руках что-нибудь мозолить, когда разговаривает. Понимаешь, не просто намокла бумага-то, а совсем расплзлась. Положил вон сушить, да едва ли толк будет.

— Какой уж толк. На игрушки только...

— Какие игрушки?

— А как же. Из такой бумаги много чего делается. Сама в детстве работала — знаю. У нас под Бронницами по деревням сильно этим занимались.

— Как это? — заинтересовался Кочетков.

— Да дело нехитрое. Покупали разную негодную бумагу. Тетради там исписанные, старые газеты, бумажную обрешку — и в котел. Варили с клеевой водой и размешивали, чтобы как жидкая каша стала. К этому прибавляли мелу, а то и глины. Получалось тесто, папье-маше называется. Им — этим тестом — и набивали разные формочки. Бывало и проще делали, без котлов. Вымажешь форму маслом и набиваешь ее размоченной в клеевой воде либо в клейстере бумагой. Как попало... Половинки склеят, выкрасят, отлакируют и на базар. Дешевые игрушки были. Легонькие такие. Лошадки, коровки, головки кукольные...

— Видал. Раньше их много было, а теперь что-то не часто видишь.

— Перестали, видно, делать. Кто первый успел, так большие деньги нажил, а потом чуть не все кинулись на это ремесло, игрушки и вздешевели. Из-за бумаги тоже стало трудно. Один у другого отбивал. Это еще до революции так-то, а теперь негодную бумагу, я слыхала, всю на фабрики сдают.

— Слушай, а ты не видала, как бумагу делают?

— Нет, не случилось. Знаю, что из тряпья. Тоже разваривают в котлах, отбеливают чем-то и черпают ситами особыми. Вода стекает, а разваренное тряпье остается тоненьким таким слоем... Как бумажный лист. Теперь, говорят, из дерева научились делать. И машинами, а не ситами.

— Из какого дерева?

— Из всякого будто.

— Из этого леса? Скажешь! Ха-ха-ха, — засмеялся Кочетков. — Тоже разварят его? А? Мне приходится березу загибать на рамы к коробьям, так я знаю, как лес-то разваривать. Паришь его, паришь, — а только и всего, что согнешь полегче. Так ведь то береза, толщиной в руку, а тут вон какие столбы стоят! Никогда не поверю, чтобы такой лес в кашу разварить можно. Что-нибудь не так сказываешь, — прибавил Кочетков, заметив, что Фаина обижена его смехом и недоверием.

— С кислотой, говорят, разваривают.

— А-а... Это дело другое, — согласился Кочетков, но было заметно, что сомнение осталось.

— Много же кислоты-то понадобится, — сказал он, усаживаясь в лодку.

— Ты вот смеешься, а Евстюха уж барыши считает. Четвертого дня нас малухой своей попрекал. Скоро, говорит, в барском лесу бумажную фабрику строить будут. Такая квартира сколько тогда будет стоить. А вы на готовеньком живете, работы не видать, а еще которые и нос воротят. Это он про меня...

— Брехня, поди, про фабрику-то?

— Кто знает. Постоянно ведь он в городе бывает. Знакомство у него везде. Разнюхает вперед других.

— Так это, — согласился парень и налег на весла, кинув Фаине: — держи на красный.

Когда подходили к бакену, Кочетков размечтался вслух:

— Хорошо бы, фабрику-то! Мастерство какое-нибудь узнал бы обязательно.

— То же и я думаю, — отозвалась Фаина, — а пока объясняй свое дело.

На реке пробыли два часа, потом ходили по берегу. Кочетков самым подробным образом рассказал о своей работе и особенно о всех трудных случаях. Фаина слушала внимательно, переспрашивала, проверяла на опыте. «Для практики» даже залезла по боковой качающейся лесенке на перевальный столб, не смущаясь тем, что Кочетков подсмеивался над ее не приспособленной для лазанья одеждой.

Прежнего настороженного отношения к шуткам Кочеткова у Фаины не было. Она давно поняла, что добродушный хороший парень своими грубоватыми шутками пытается скрыть смущение.

— Эх ты, телок! — оценила она одну из шуток Кочеткова. — Недаром евстюхины телята к тебе льнут. Сколько тебе годов-то?

— Двадцать семь, — с серьезным видом ответил Кочетков, но Фаина звонко расхохоталась.

— Забыл, что рассказывал? В восемнадцатом году по четырнадцатому году был. Да и мало прибавил. Все равно до меня не дотянуться, — лукаво прищурилась она.

— Тебе сколько?

— Мои-то годы легко считать. Никогда не забудешь. В семнадцатом году семнадцатый шел, а теперь...

— Двадцать девятый...

— То-то и есть, двадцать девятый. Тебе до моих годов не меньше пяти лет тянуться, мальчишечко! — И Фаина неожиданно мазнула Кочеткова рукой по пухлым, по-ребячьи оттопыренным губам. — Губошлеп!

Поняв этот жест, как разрешение к действию, Кочетков быстро ухватил Фаину за талию, но Фаина легко вывернулась и совсем другим тоном проговорила:

— Пора, видно, мне уходить, а то, пожалуй, рассоримся.

И она быстро зашагала к будке, за корзиной. Аккуратно повязала платок, вскинула корзину на руку и крикнула:

— Ну, я пошла. За науку спасибо!

Кочетков, все еще стоявший на прежнем месте, побежал догонять.

— Подожди, Фая... Не сердись... Не буду я... Когда придешь?

— Раньше того воскресенья не вырваться, а там смена не твоя. Полмесяца, видно, не увидимся.

— Долго... Приходи скорее! Урви часок... Ждать буду.

— Ну, ладно. Может, и приду... Телят попроведать, — улыбнулась она.

— Зачем хоть здесь их держите?

— Евстюхины хитрости. Не записаны они у него в налог. Понял? Ну, прощай пока.

— Поцеловала бы хоть!

— Ладно и так. Еще во сне увидишь тебя... толстогубого. — И Фаина опять быстрым движением мазнула растерявшегося парня по губам и сейчас же предупредила: — За мной не ходи. Дальние проводы — лишние слезы.

Уже скрывшись в лесу, крикнула:

— Дня через два приду. Думай пока... как бумагу делают.